

Пересказывательность в русском языке¹

Quotation and rendering markers in russian

Левонтина И. Б. (irina.levontina@mail.ru)

ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН, Москва

О пересказывательности обычно говорят в контексте категории эвиденциальности (засвидетельствованности), которая существует в качестве грамматической категории (наклонения или подобной) в некоторых языках — в частности, индейских и тибето-бирманских, болгарском, литовском, турецком. Разумеется, подобные значения выражаются и в других языках. Применительно к русскому языку в этой связи обычно упоминаются так называемые ксенопоказатели — частицы *мол*, *дескать*, *де*, а также *якобы* и *грит* (*гыт*). Однако оказывается, что арсенал средств, служащих в русском языке для оформления цитирования или пересказа, гораздо богаче и представлены они на разных уровнях. В докладе рассмотрены некоторые лексические и просодические маркеры пересказывательности.

О пересказывательности обычно говорят в контексте категории эвиденциальности (засвидетельствованности), которая существует в качестве грамматической категории (наклонения или подобной) в некоторых языках — в частности, индейских и тибето-бирманских, болгарском, литовском, турецком. См., например, [Slobin, Aksu 1982; Chafe, Nichols 1986; Anderson 1986; Willett 1988; Bybee et al. 1994; De Naan 1998; Эвиденциальность 2007].

Так, Р. О. Якобсон в классической работе о шифтерах упоминает пересказывательное наклонение в болгарском. Он рассматривает диалог, в котором человек отвечает на вопрос о том, что произошло с лодкой: он «...сначала ответил заминала 'говорят, что отплыла', а потом добавил: замина 'я свидетель, что отплыла'» [Якобсон 1972, 101].

Разумеется, подобные значения выражаются и в других языках. Можно упомянуть хотя бы использование формы первого конъюнктива для выражения этого смысла в немецком; ср. *Er habe das vergessen* ('Он, по его словам, забыл'), в отличие от фразы с индикативом *Er hat das vergessen* ('Он забыл')².

Применительно к русскому языку в этой связи обычно упоминаются так называемые ксенопоказатели — частицы *мол*, *дескать*, *де*, а также *якобы* и *грит* (*гыт*). Этимологически они в основном связаны с глаголами говорения. Особенно много обсуждались *дескать* и *мол* [Отин 1966; Колодезнев 1969; Fontain 1983; Камю 1992; Баранов 1994; Арутюнова 2000; Шестухина 2003]. Эти две частицы используются и в прямой, и в косвенной, и в несобственно-прямой речи, будучи при этом позиционно достаточно свободными. Функция их состоит в том, чтобы, по словам Н. Д. Арутюновой, «маркировать присутствие Другого» [Арутюнова 2000: 448]. При этом как чужая понимается и собственная речь, сказанная ранее или планируемая на будущее, и интерпретация поведения другого человека, его реакции и т. д. Поскольку говорящий при помощи ксенопоказателей отстраняется от позиции другого человека, прагматически такие слова притягивают разного рода оценки, чаще отрицательные, воспроизводимой речи.

В работе [Камю 1992] сделана попытка установить семантические различия между частицами *мол* и *дескать*. Различия это слабые и имеющие характер предпочтений. Суть их сводится к тому, что *мол* более тесно связано с исходным высказыванием, тогда как *дескать* допускает более вольную трактовку ситуации.

Наиболее тонко различия между *мол*, *дескать*, а также *де* описаны в статье [Баранов 1994]. Значение данных частиц рассмотрено здесь в контексте оппозиции «свой-чужой», в частности через идею коммуникативной ответственности: «Рассматривая семантику *мол* и *дескать* в рамках идеи коммуни-

¹ Работа выполнена при поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации НШ-4019.2010.6.

² Мы не говорим, естественно, о том, что этот смысл всегда можно выразить описательно (*Он сказал, что...*, *По его словам...*). В письменной речи цитирование оформляется кавычками. В устной публичной речи аналогами кавычек являются формулы «Цитата» и «Конец цитаты». Ср. также распространившийся в последние годы заимствованный лекторский иконический жест «кавычки», выполняемый указательнымисреднимпальцамиобеихрукодновременно.

кативной ответственности, можно утверждать, что *дескать* отражает нежелание говорящего брать на себя ответственность за чужое (в целом или частично), а мол, напротив, свидетельствует о том, что за какие-то фрагменты чужого опыта он готов разделить ответственность с автором цитаты.

При таком подходе существенным оказывается выявление сферы действия своего и чужого и, соответственно, сферы разделения ответственности и отказа от нее³ [Баранов 1994: 116].

Возвращаясь к репертуару ксенопоказателей в русском языке, можно отметить, что слово *якобы* имеет очевидные и гораздо более существенные отличия от *мол* и *дескать*. *Якобы* несовместимо с прямой речью, оно связано с передачей чужой речи скорее *de re*, а не *de dicto*. Кроме того, *якобы* выражает сомнение в достоверности передаваемого сообщения.

Однако оказывается, что арсенал средств, служащих в русском языке для оформления цитирования или пересказа, гораздо богаче. Так, соответствующее значение есть у слова *ах*; ср:

— *Время идет быстро, а между тем здесь такая скука!* — сказала она, не глядя на него. — *Это только принято говорить, что здесь скучно. Обыватель живет у себя где-нибудь в Белеве или Жиздре — и ему не скучно, а придет сюда: «Ах, скучно! ах, пыль!» Подумаешь, что он из Гренады приехал.* (А. П. Чехов, *Дама с собачкой*).

Здесь очень важно, что вне контекста пересказывания *ах* в подобной фразе употребить нельзя; ср.:

— *Вы хорошо съездили?* — * *Ах, скучно! ах, пыль!*

Междометие *ах* в своем основном значении соответствует определенной части эмоционального спектра (ср. цветаевское «*Ах*», *когда чудно*). Однако в нашем случае ограничения на тип эмоции если не снимаются, то по крайней мере ослабляются. *Ах* в рассматриваемом значении может интонироваться двумя способами. Либо оно выступает в качестве проклитики (*ахскучно*, *ахпыль*). Так интонирует эту чеховскую фразу знаменитый чтец Дмитрий Журавлев), при этом слово растягивается и произносится с пологим повышением тона с последующим падением. Либо *ах* произносится отдельно, тогда повышение тона делается на нем, а падение на следующем слове (Так произносит другой исполнитель «*Дамы с собачкой*» Игорь Ясулович).

Приведем еще несколько примеров:

³ Имеется в виду план выражения, форма выражения смысла, сам смысл — в духе концепции Е. Гофмана о расщеплении говорящего на автора идеи, автора способа оформления мысли и субъекта говорения, которую Баранов дополняет еще одной ролью говорящего — ролью «коммуникативного стратега» [Баранов 1994: 116].

— *Рак. (Параджанову недавно сделали операцию после того, как у него обнаружили рак лёгкого.) Начинает причитать: — Ах, я скоро умру! Посмотри, какой у меня шрам тут. Вообще я сейчас пойду лягу и буду умирать. Сначала только чаю попьём.* [Сати Спивакова. *Не всё* (2002)]

Заметим, что само по себе восклицание *Ах, я скоро умру!* Представить себе трудно.

Только что перечитал этот кусок и подумал, что вышло как-то уж очень сумбурно. Ну что это значит — «мелькнуло лицо... Мышкина»? Надо было как-то по-другому. Рассказать, как он вошёл, как представился, что сказал... А то: ах, извините! Ах, у меня память отшибло! Хотя... Беда-то в том, что её у меня и правда отшибло. Не помню я, как он у нас очутился, не помню, с чего начал... [Вера Белоусова. *Второй выстрел* (2000)]

Здесь интересно то, что в действительности в предшествующем тексте не было ни *извините*, ни *память отшибло*. Это типичная передача *de re*, причем очень вольная.

Все эти книжонки, монастыри, путешествия по «святым местам» на собственных «Волгах» сделали модой и оттого пошлостью. Раньше все скопом на Рижское взморье валили, а нынче — по монастырям. Ах, иконостас! Ах, какой нам дед встретился в одной деревеньке! А самовары? Иконы? [Юрий Трифонов. *Предварительные итоги* (1970)]

Данный пример интересен тем, что слово *ах* вполне пригодно для выражения восторга. Поэтому этот контекст можно интерпретировать двояко: либо в том смысле, что другие люди так и говорили *Ах, иконостас!* и т. д., либо (скорее), что *ах* появляется именно в пересказе.

Аналогично устроена и фраза из «Горя от ума»: *Ах, Франция, нет в мире лучше края, решили две княжны...* Княжны и сами могли сказать *Ах, Франция!*, но возможно, это пересказ фразы типа *Франция — лучшее место на свете*.

К уточнению значения *ах* мы вернемся чуть позже, а пока обратимся к еще одному ксенопоказателю. В работе [Подлеская, Кибрик 2009] отмечается специфическое употребление слова *вот* как средства «передачи угрозы и осуждения в чужой речи»; ср.:

\тоже на меня ' /посмотрела ,

«/\Вот!

Я тебя /-в-выгоню-у и-из-зз ..(0.2) этой из ш=
..(0.2) 'из ..(0.2) ' /школы!»,

«Изысканность этого употребления состоит в том, что цитирование происходит в форме прямой

речи, однако сам маркер не мог принадлежать исходной реплике — при непосредственном выражении угрозы в диалогическом режиме вот употреблено быть не может. Таким образом, маркер *вот*, подобно более нейтральным маркерам чужой речи типа *мол*, может служить средством перевода прямой речи в «несобственно-прямую». Заметим при этом, что *мол* — в отличие от *вот* — не способно к автономизации, эта частица никогда не акцентируется и всегда встроена в пропозициональную ЭДЕ».

Использование слова *вот* как ксенопоказателя чрезвычайно частотно в устной речи, но очень плохо фиксируется в речи письменной, поскольку для реализации этого значения необходим особый просодический контур.

Надо заметить, что *вот* передает далеко не только угрозу. Ср.:

А она сидит и поет: «Воот, я такая несчастная...»;

Он расхвастался: «Воот, я самый крутой»;

Привязалась: «Воот, как тебе не стыдно, что у тебя за юбка»;

А он все обещает: «Воот, деньги будут со дня на день, все отдам».

Существенно, что говорящий даже не обязательно осуждает речевую деятельность другого человека, которую он воспроизводит. Ср.

Ну и что же, то она первая позвонила? А ты бы ей сказал: «Воот, я сам собирался тебе позвонить, поздравить».

Теперь вернемся к слову *ах* и рассмотрим сходства и различия между двумя ксенопоказателями — *ах* и *вот*.

Обе единицы используются как бы в качестве открывающей кавычки, маркируя начало чужой речи. При этом, в отличие от частиц типа *мол*, эти две единицы не предполагают, что за ними последует подробное изложение или тем более точное воспроизведение чужой речи. Обе они вводят обычно сокращенный пересказ, однако *вот* скорее склонно к тому, чтобы передать одну или несколько наиболее важных реплик, а *ах* скорее передает общий смысл речи и ее эмоциональный настрой. При этом *ах* обычно подразумевает, что человек, речь которого передается, выражал какие-то оценки или был эмоционален (возможно, чрезмерно).

В работе [Подлесская, Кибрик 2009] отмечается, что «средством передачи угрозы и осуждения в чужой речи является даже не сам маркер *вот*, а реализуемая на нем особая просодическая фигура с восходяще-нисходящим тоном. Эта же фигура,

с тем же значением, может реализоваться и на ряде других маркеров, например, на частице *а*, тоже способной к автономному употреблению». Приводится следующий пример:

И \каждое н-на \меня=:
«^'А-а!
^Вот!
Ты ^двоечника!
^С-смотри на своих оценки!»

В книге [Янко 2008: 109] описывается интонационный контур, названный «интонацией ментальной деятельности, т. к. этот интонационный тип направлен на отражение средствами интонации разного рода информационных и мыслительных процессов». В этой связи упоминаются припоминание, недоумение, погружение в мечты, а также и передача чужой речи (*Тетя сказала, надо чего-то там уколы делать*). Эта интонация описывается так: «Соответствующий акцент характеризуется подъемом тона и существенным удлинением ударного слога акцентоносителя ремы. Вся заударная область ровная (иногда с небольшим естественным падением)».

В этой работе справедливо отмечается, что «при передаче чужой речи говорящий не копирует интонацию того, чья речь цитируется, а придает соответствующему фрагменту речи просодию воспоминаний».

Как кажется, просодическое оформление чужой речи нуждается в гораздо более детальном описании. Ограничимся пока некоторыми предварительными замечаниями.

При сходстве интонационного контура пересказывания и, например, припоминания, между ними есть существенные различия. Во-первых, при пересказывании возможен эмоциональный вариант, при котором фраза интонируется гораздо более эмфатически, и такое произношение невозможно ни при припоминании, ни при выражении недоумения или мечты.

Во-вторых, для пересказывания очень характерно дробление чужой речи на более мелкие сегменты, чем это естественно для обычной речи, даже на отдельные слова; ср.:

— *И что он ответил?*
— *Да что ответил! «^Маама не разре^шаает»⁴.*

В пересказе чужая речь часто предстает как бы ритмизованной, произносимой с периодическим подъемом с последующим падением тона на ударных слогах (это чем-то напоминает перечислительную интонацию); ср.

⁴ Мы пока используем здесь значок ^, сознавая, однако, что возможные здесь интонационные контуры нуждаются в специальном изучении, в том числе инструментальными средствами.

А он мне и говорит: «^Вот, ^девушка, какая вы кра^сивая, а пой^демте, погу^ляем, а ^дайте теле^фоончик».

Надо заметить, что разложение чужой речи на бессвязные фрагменты характерно не только для просодии, но и для синтаксиса пересказывания. Это отмечается в работе [Камю 1992].

Интонация пересказывания так искажает исходную фразу, что слушающему сразу понятно, что это не собственные слова говорящего. Например, в вопросе *Как вас зовут?* повышение тона на *зовут* в литературном языке невозможно. А в цитате оно естественно (конечно, не по ИК-3, а более пологое, ближе к ИК-6, с некоторым понижением к концу ударного слога).

Наконец, если говорящий негативно оценивает пересказываемую речь (а при введении в текст чужой речи она очень часто так или иначе оценивается), может возникать явление передразнивания. Существуют разные фонетические и даже мимические средства передразнивания. Отметим хотя бы два. В той же работе [Камю 1992] со ссылкой на устное сообщение С. В. Кодзасова обращается внимание на «частое явление назализации, сопровождающее значение передразнивания».

Другое фонетическое средство передразнивания — это «блеяние» (*ма-а-ама*).

Разумеется, список способов передразнивания может быть продолжен.

Есть еще одно явление, связанное с приемами передачи чужой речи, которое необходимо отметить. Чужая речь может передаваться не путем собственно пересказывания, а путем имитации речи. Кроме ксенопоказателей, существуют и заместители речи — бессмысленные сочетания, обычно содержащие повторы и рифмы, на которых часто реализуется тот же или подобный интонационный контур, который был рассмотрен выше. Это сочетания типа *ля-ля тополя*, *ля-ля-фа-фа*, *тэ-тэ-тэ*, *тэ-тэ-нэ-нэ*, *тэто-это*, а также довольно новое заимствование *бла-бла(-бла)*;

Я ему объясняю: «У меня много работы, а завтра теща приезжает, тэ-тэ-нэ-нэ <ля-ля тополя>...»;

Ты ей скажи, что ты к нему хорошо относишься, но только как к другу, бла-бла-бла.

Ср. также:

Прибегает: «А! О!» А чем я могу ему помочь?»

Опять наехала на меня: «Аа! Даа!» Надоела уже.

Сюда можно добавить и единицы *тыры-пыры* и *тыр-пыр восемь дыр*.⁵ Они практически не от-

ражаются в письменных текстах, но в устной речи довольно часто используются, особенно если перед этим уже был какой-то намек на содержание чужой речи и продолжение, в общем-то, понятно. Некоторые из этих выражений используются не только для замещения, но и для обозначения чужой речи; ср.

Вот сейчас, я пролистал ЖЖ и думаю что-то вроде — вот я лошара и неудачник, так бездарно проводил время и сох на разным тёлкам и всё бес толку и писал какую-то пургу какие-то рассказы и бла бла.

Стоит заметить, что зачастую функцию маркеров пересказываемости выполняют единицы с более широким значением. Так, в этой роли часто выступает слово *вроде* — показатель неточного знания. Ср. *Ты вроде похудела* [кажется, говорящий не уверен в своей оценке] и *Он вроде уволился* [говорят]⁶. Так же может использоваться и показатель приблизительности номинации *типа*: *А она стала говорить, что муж типа так занят*. Интересно также недавно пришедшее в язык словечко *такой* в изобразительной функции (пожалуй, по значению оно ближе всего к настоящему изобразительному времени). Иногда его считают показателем эвиденциальности, поскольку оно в большинстве случаев вводит прямую речь; ср. *А я такая: «Как тебя зовут?»* [Савчук, в печати]. Это, однако, не обязательно; ср. *А я такая подхожу, беру сигарету и закуриваю. Все в шоке*.

Возвращаясь к интонации пересказывания, отметим следующее. Она свободно сочетается с разными ксенопоказателями, однако сама имеет более широкое значение. В частности, тот же интонационный контур регулярно используется для оформления тривиального содержания. Так, в научной речи докладчик часто вынужден в начале доклада, прежде чем перейти к сути дела, излагать сведения, которые кажутся ему банальными и общеизвестными, но без которых он не может обойтись в изложении своего сюжета. В этом случае он часто пользуется интонационным контуром, характерным для цитирования. Это совершенно понятно: тривиальное подается как уже сказанное другими и соответственно интонируется. Частицы же больше связаны с конкретным высказыванием другого человека и потому в подобных контекстах едва ли возможны.

Итак, мы увидели, что средства выражения пересказываемости представлены в русском языке на разных уровнях. Ни в коей мере не претендуя на полноту описания, мы кратко рассмотрели некоторые из них. Наверняка существуют и другие. Таким образом, функционирование категории пересказываемости в русском языке нуждается в дальнейшем изучении.

⁵ Последние напомнил мне один из анонимных рецензентов «Диалога», за что ему (ей) отдельное спасибо.

⁶ На подобные контексты обратил мое внимание А. Д. Шмелев.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Показатели чужой речи *де, дескать, мол* // Язык о языке. Под общ. рук. и ред. Н. Д. Арутюновой. — М., 2000. С. 437–452.
2. Баранов А. Н. Заметки о дескать и мол // ВЯ 1994, № 4, с. 114–124.
3. Камю Р. Мол, дескать, -де: чужая речь в чужом языке // Проблемы интенсивного обучения неродным языкам (материалы первой международной научно-методической конференции, 27–28 мая 1992 г.), Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, изд. «Образование», Санкт-Петербург, 1992, 52–57.
4. Колодезнев В. М. О значении частиц *мол, де, дескать* // Русский язык в школе 1969, № 1.
5. Отин Е. С. О субъективных формах передачи чужой речи // Русский язык в школе 1966, № 1.
6. Подлесская В. И., Кибрик А. А. Дискурсивные маркеры в структуре устного рассказа: опыт корпусного исследования // Диалог 2009.
7. Савчук С. О. Местоимение *такой* в функции маркера чужой речи в устном высказывании // «Вопросы культуры речи», вып. 10 (в печати).
8. Шестухина И. Ю. Эмоционально-экспрессивное и функционально-стилистическое значение частиц *мол, де, дескать* в русском языке // Мат. Всероссийской научно-практ. конф. «Русский язык и культура речи как дисциплина государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования: опыт, проблемы, перспективы». — Барнаул, Изд-во АГУ, 2003. — С. 366–368.
9. Эвиденциальность в языках Европы и Азии. Сборник статей памяти Наталии Андреевны Козинцевой. М., Наука, 2007
10. Якобсон Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол / Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972.
11. Янко Т. Е. Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте. М., 2008.
12. Fontain J. Grammaire du texte et aspect du verbe russe contemporain. P., 1983.
13. Anderson L. (1986). «Evidentials, paths of change, and mental maps: typologically regular asymmetries.» In Chafe & Nichols (eds.). (1986), 273–312.
14. Bybee J., Perkins R. and Pagliuca W. (1994). The evolution of grammar: Tense, aspect and modality in the languages of the world. Chicago: University of Chicago Press.
15. Chafe W. and J. Nichols (eds.) (1986). Evidentiality: the linguistic coding of epistemology. Norwood: Ablex, 1986.
16. Ferdinand H., De (1998). The Category of Evidentiality. Ms.
17. Slobin D. and Aksu A. (1982). «Tense, Aspect, and Modality in the use of the Turkish evidential». In Hopper P. J. (ed.) Tense-aspect: Between Semantics and Pragmatics. Amsterdam: Benjamins, 185–200.
18. Willett T. (1988). «A cross-linguistic survey of grammaticization of evidentiality». Studies in Language 12.1, 57–91.